

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ ПАТРОЛОГИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 4 (8)

Калуга
2021

ББК 86.372

УДК 271.2

По благословению
Высокопреосвященнейшего Климента
митрополита Калужского и Боровского

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р21-103-0060

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Главный редактор:
митрополит Калужский и Боровский Климент,
доктор ист. наук, канд. богосл., ректор Калужской духовной семинарии

Заместитель главного редактора:
епископ Тарусский Иосиф (Королёв), кандидат богословия;

Члены редакционного совета:

протоиерей Вадим Суворов, доктор богословия;

Чернобаев А. А., доктор исторических наук;

Каширина В. В., доктор филологических наук;

Петров А. С., доктор исторических наук;

Пихоя Р. Г., доктор исторических наук;

Маслов С. И., доктор педагогических наук, профессор;

Никандров Н. Д., доктор педагогических наук, профессор;

Романов В. А., доктор педагогических наук, профессор;

Исаев Е. И., доктор психологических наук, профессор;

Краснощеченко И. П., доктор психологических наук;

протоиерей Димитрий Моисеев, кандидат богословия;

иеромонах Иоанн (Король), кандидат богословия —

ответственный секретарь;

протоиерей Сергей Третьяков, кандидат богословия;

диакон Димитрий Шатов, кандидат богословия;

Волкова А. Г., кандидат филологических наук;

Бессонов В. А., кандидат исторических наук;

ISSN 2658-5278

© Калужская духовная семинария

© Калужское епархиальное управление

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин Г. М.)*
Годы преподавания святителя Феофана (Говорова)
в Санкт-Петербургской духовной академии 4
- Архимандрит Зосима (Шевчук С. В.)*
Святитель Феофан Затворник и русское богословие XIX века 23
- Иерей Кретов Андрей*
«Семя жизни»: таинства в деле воспитания человека 31
- Иеродиакон Петр (Алексенко О. В.)*
«Краткий очерк аскетике» как вклад свт. Феофана Затворника
в русскую школу богословия 37
- Дьяченко Г. В.*
Основные принципы духовного образования по учебным проектам
русских архиереев середины XIX века 47
- Волкова А. Г.*
Эпистолярное наследие святителя Феофана Затворника: нарратив и
образ автора 72
- Никольский Е. В., иером. Корнилий (Зайцев А. А.), Миронов К. Г.*
Спор святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова)
по вопросу материальности души и ангелов: опыт современного
анализа 81

ПУБЛИКАЦИИ

- Епископ Тарусский Иосиф (Королев О. Г.)*
Записка К. К. Зедергольма о взаимоотношениях русского и грече-
ского духовенства и ответ на нее святителя Феофана 117

ТРУДЫ МОЛОДЫХ БОГОСЛОВОВ

- Старостенко С. В.*
Митерикон — открытие святителя Феофана 131
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 137

УДК 81-139

Волкова Анна Геннадьевна
кандидат филологических наук

Volkova Anna G.
PhD in Philology

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА
ЗАТВОРНИКА: НАРРАТИВ И ОБРАЗ АВТОРА**

**LETTERS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE:
NARRATIVE AND AUTHOR'S IMAGE**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению писем к мирянам святителя Феофана Затворника в контексте лингвистических методов XX века. Нарративный анализ предполагает рассмотрение повествовательного компонента в тексте. Тексты писем святителя Феофана являются по своему характеру дидактическими, однако в них содержится элемент наррации, выполняющий стилистическую и аргументационную функции.

Abstract. The main point of the article is to research the letters by st. Theophan the Recluse in the context of linguistic methods of the 20th century. Narrative analysis researches the story-telling component in the text. Letters by st. Theophan are didactical but they contain also narrative that has stylistic function and function of argumentation.

Ключевые слова: текст, нарратив, экзегезис, святитель Феофан Затворник, автор, читатель, субъектная организация.

Key words: text, semiotics, narrative, exegesis, St. Theophan the Recluse, author, reader, subject organization.

Текст как объект рецепции и интерпретации является многоосмысленным, особенно если речь идет о художественном тексте или о тексте личном / личностном, таком, как дневник или письмо. При этом представляется допустимым использование новых методов текстуального анализа: «Исследование хронологически более ранних текстов с позиций современной филологии представляется приемлемым в силу того, что современная терминология и понятийный аппарат способны вскрыть в тексте те смыслы, которые, если и были выделены ранее, то не были названы, либо структура этих смыслов не подвергалась научной рефлексии» [1]. Именно поэтому перед рассмотрением непосредственно текстов святителя Феофана необходимо обратиться к некоторым теоретическим положениям.

Одним из терминов филологической науки XX века, который применяется для анализа повествовательного типа текста, является нарратив — «понятие не только филологическое, но и философское, психологическое, историческое, обозначающее повествование, то есть изложение, рассказ о каких-либо фактах, событиях, как правило, в их линейной последовательности» [Волкова].

Г. К. Косиков, известный исследователь теории и практики интертекстуальности, указывает на целый ряд школ и исследователей, разрабатывавших проблемы нарратологии (учения о нарративе): «В XX веке изучение сюжета в литературоведении привело к созданию ряда нарратологических концепций — теории русской „формальной школы“ (В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский) и В. Я. Проппа, англосаксонской „новой критики“ (К. Бёрк, Р. П. Блекмур), неоаристотелианских (У. Бут и др.), структуралистских (К. Леви-Строс, А.-Ж. Греймас, К. Бремон, Ц. Тодоров, Р. Барт), феноменологических (П. Рикёр) теорий. Проблемы Н. углубленно разрабатывали также историки (Ж. Дюби, Ф. Фюре, П. Вейн) и представители аналитической философии (Л.О. Минк, Х. Уайт, А. Данто, У. Дрей)» [5, с. 159–160].

В теории нарратива выделяется три основных уровня анализа текста [5, с. 159–160]:

- уровень действий,
- уровень событий,
- уровень сюжета.

Сетка уровня действий:

- 1) агент,
- 2) ситуация,
- 3) поступок,
- 4) цель,
- 5) средства.

Рассматривая текст на уровне события, необходимо помнить отличительные особенности события: событие — это такое действие, которое, нарушая некоторую норму (то есть в том числе и ожидания читателей), изменяет наличную ситуацию. Если нет нарушения, то данное действие не считается событием, то есть событие должно удовлетворять трем условиям:

- отклонение от нормы,
- однократность (неповторяемость),
- результативность (необратимость) [5, с. 159–160].

Таким образом, нарратив — это рассказ о чем-либо значимом в данном контексте, отличающийся по структурным признакам от рассуждения или описания. Понятия, термины и методы нарратологии, которые являются сравнительно новыми для анализа текстов, применимы при рассмотрении хронологически более ранних текстов, так как служат раскрытию заложенных в них смыслов. Особенно интересен данный подход для анализа религиозных текстов, так как подобные тексты, как правило, построены в режиме других типов текста: рассуждения, описания; такова, например, проповедь, в которой, однако, встречаются и элементы нарратива. Помимо того, в нарративе важен образ автора, потому что именно автор как бы «фильтрует» ту информацию, которую он будет «повествовать», причем фильтром выступают система ценностей, мировоззренческие установки, социальное окружение,

культурный контекст и т. п.; кроме того, автор раскрывается и через обращение к читателю, то есть к адресату его повествования. Поэтому анализ нарративного элемента — это анализ и образа автора, и образа читателя. Именно поэтому такой подход к анализу текста был выбран для рассмотрения эпистолярного наследия святителя Феофана: с одной стороны, здесь речь идет о тексте религиозном (фигура его автора определяет направленность текстов; кроме того, религиозная тематика и проблематика выделяется по ключевым словам и фразам); с другой стороны, письмо, адресованное определенному читателю, — это текст авторский, направленный, в котором можно раскрыть и описать образ автора и читателя через анализ языковых элементов, в том числе и макроэлементов, таких как текстовые фрагменты, содержащие нарративные структуры.

Рассмотрим несколько писем святителя Феофана в контексте такого подхода. В частности, для примера были взяты письма, в которых речь шла о выборе жизненного пути — ухода в монастырь или жизни в миру.

Таково, например, письмо 3, текст которого представляется возможным привести полностью:

«Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо. Нищий и в мороз сильный бегаёт по окнам и просит. Пошёл бы он, если б у него был кусок хлеба?

Когда чувствуется беда, тогда хлопотам и трудам человека конца нет. Тоже и с сердцем! Когда коснется его чувство беды, нищеты и голода, — покоя не даёт ни телу, ни душе. И то сделай, и на другое подвигнись. Тогда уж саможалению нет места, и всякий труд не в труд. А голод и беду Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт, хоть по неделям не ест. Господи помилуй нас!

Птичка, привязанная короткою ниткою, вспорхнет и падет, вспорхнет и падет. Когда нитка длинна, птичка и высоко взлетит, и далеко пролетит, но все притянется к тому же месту. Если б не нитка, улетела бы птичка на луга красные. И в больших клетках птички летают, но все не на свободе. Как оторваться?

Когда огонь угрожает привязанному, то он так сильно рванется, что железную цепь перервет, а не то что нитку слабую. Так не за большим дело: надо зажечь беду вокруг. Но всему свое время, хоть и в том, почему не время, иногда мы же виноваты.

Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила. Внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть. Во сне и Сампсона связали и остригли и силы лишили. Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь все равно. В сердце монастырь вот что: Бог, да душа. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно итти. Только опять не гадайте о том, что вы там встретите. Вы и вообразить того не можете. Каждый там встречает то, что нужно именно ему. У одного все не походит на другого. Лучше в волю Божию предаться, и все принимать как от руки Его» [3].

Рассмотрим данный текст по формально-смысловым признакам нарратива:

— уровень действий:

- 1) агент: нищий, молящийся, просящий;
- 2) ситуация: «чувство беды, нищеты и голода»;
- 3) поступок: отсутствие покоя («покоя не дает ни телу, ни душе»);
- 4) цель: «лучше ничего не загадывать»; «внутренность свою надобно уязвлять и тревожить, чтоб не уснуть»;
- 5) средства: «надо зажечь беду вокруг».

— уровень событий: уход в монастырь — жизнь в миру («Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила... Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь все равно. В сердце монастырь вот что: Бог, да душа. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно итти. Только опять не гадайте о том, что вы там встретите. Вы и вообразить того не можете. Каждый там встречает то, что нужно именно ему. У одного все не по-

ходит на другого. Лучше в волю Божию предаться, и все принимать как от руки Его»).

— уровень сюжета: проявляется в трех моментах:

1) «Беда, когда в сердце человек сыт и доволен, а когда голоден и нищ, куда как хорошо. Нищий и в мороз сильный бегаёт по окнам и просит. Пошел бы он, если б у него был кусок хлеба? Когда чувствуется беда, тогда хлопотам и трудам человека конца нет... А голод и беду Господь посылает молящемуся и просящему. Это признак здоровья. У больного нет аппетита; он сыт, хоть по неделям не ест»;

2) «Птичка, привязанная короткою ниткою, вспорхнет и падет, вспорхнет и падет. Когда нитка длинна, птичка и высоко взлетит, и далеко пролетит, но все притянется к тому же месту. Если б не нитка, улетела бы птичка на луга красные. И в больших клетках птички летают, но все не на свободе. Как оторваться?»;

3) «Когда огонь угрожает привязанному, то он так сильно рванется, что железную цепь перервет, а не то что нитку слабую».

Через все указанные элементы повествования раскрывается смысл высказывания «Беду надо зажечь вокруг себя»: беда как некое пограничное состояние, состояние голода, лишения, приводит к тому, что душа сможет оторваться от земного и выбрать благой удел монашества. Однако святитель на уровне события предупреждает, что и этот путь не должен быть самоцелью, так как цель одна — Господь: «Лучше ничего не загадывать — ни в монастырь, ни за монастырь; ибо не в том сила... Когда в сердце монастырь, тогда строение монастырское будь или не будь все равно. В сердце монастырь вот что: Бог, да душа. Однако ж, когда Бог приведет в монастырь, надобно итти... Лучше в волю Божию предаться, и все принимать как от руки Его».

Письмо 22 продолжает ту же тему:

«Удивляюсь и не догадаюсь, что такое с вами было. Благодарение Господу, что прошло. Будем молиться, чтоб не повто-

рялось. Его мрачность, князь века, добирается до вас, пробует, с какой стороны можно сбить с ног. Искушений вокруг много. Подбегите под кров Матери Божией и Святых Божиих! От искушений никому не избежать; но можно избежать падений! Самому нельзя, — а с Богом и помощью небесною. Она готова, окружает всякаго, только надо не разделять себя от ней, не отгонять ее. Отгоняется она страстными помыслами, чувствами и желаниями. В сердце смотрит Господь, и каково оно к Нему, таков и Он к нему! Затем неизбежный закон для всех ищущих Господа: внимать себе, или вести внутренно бодренную и трезвенную жизнь. У вас есть Добротолюбие? Посмотрите там Исихия, Филофея Синаита, Феолипта, и еще Диодоха, епископа Фотики, — все о трезвении. С помощью их поймете, что такое трезвение, бдение духовное и бодренность. Есть поговорка: тишина такая, что муха пролетит, слышно... Так у трезвеннаго все тихо в душе; как свеча горит, возношение сердца к Богу непрерывно. Чуть что стороннее, сейчас видит и прогоняет; и опять покой... и так далее...

Вот этого надобно добиваться. Делайте так. Знакомо вам место молитвы, или место сердца, тепло молящагося? Там, где бывает тепло во время молитвы, станьте вниманием, и будьте там и не желайте выходить; но будьте не одни, а с мыслию о Господе, сущем и в вас; пекитесь при сем о едином, сохранить непотухаемою сию теплоту ко Господу. Это главное! Когда начнете сей внутренний подвиг, тогда дело научит вас само, как сие делать, — что помогает ему и что мешает. Возьмитесь за это. Только тогда, как теплота установится, начинается внутреннее очищение» [3].

— уровень действий:

- 1) агент: «его мрачность, князь века»; «вы» как адресат письма;
- 2) ситуация: «Искушений вокруг много»,
- 3) поступок: «от искушений никому не убежать»,
- 4) цель: «но можно избежать падений»;
- 5) средства: «внимать себе, или вести внутренно бодренную

и трезвенную жизнь. У вас есть Добротолюбие? Посмотрите там Исихия, Филофея Синаита, Феолипта, и еще Диодоха, епископа Фотики, — все о трезвении».

— уровень событий: «С помощью их поймете, что такое трезвение, бдение духовное и бодренность. Есть поговорка: тишина такая, что муха пролетит, слышно... Так у трезвенного все тихо в душе; как свеча горит, возношение сердца к Богу непрерывно. Чуть что стороннее, сейчас видит и прогоняет; и опять покой».

— уровень сюжета: от искушений, которых, по определению святителя, не избежать, движение сюжета идет к теплой молитве, с мыслью о Господе — таков сюжет этого письма, сюжет, который имеет завязку (наличие «агента», антагониста — дьявола), развитие действия (искушения), кульминацию (противостояние искушениям через чтение святых отцов), развязку (сохранение «теплоты ко Господу»).

Исходя из всего сказанного, можно проследить и то, как проявляет себя автор, из чего складывается его образ: с одной стороны, он владеет богословской терминологией и мыслит в рамках богословского дискурса. С другой стороны, на уровне событий и сюжета святитель приводит ситуации, которые, на первый взгляд, никак не связаны с теми вопросами, которые поднимаются в текстах писем (как, например, сравнения с птичкой или пожаром в письме 3, где речь идет о выборе пути — монастырь или жизнь в миру). Однако эта нарративная часть является нарративом в полном смысле этого слова, так как представляет собой рассказ о некоем событии, встраиваемый в текст письма, имеющего дидактический, гомилетический характер. Таким образом, нарративный элемент в письмах святителя имеет двоякую функцию: во-первых, он является структурообразующим элементом, то есть участвует в построении композиции текста, выполняя стилистическую функцию; во-вторых, он служит приемом аргументации той мысли, к которой подводит святитель Феофан.

Письма святителя Феофана являют собой не единственный

пример того, как можно рассматривать собственно сам текст при помощи методов текстуального анализа, не прибегая к богословской терминологии или богословским выводам. В качестве материала для подобного анализа представляется возможным взять также экзегетические труды святителя, в которых элемент нарратива присутствует и выполняет свою функцию, отличную от функции в эпистолярном наследии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова А. Г. Структура и поэтика нарратива в византийской гимнографии // Богословско-исторический сборник. № 18. 2020.
2. Нарратив // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / статья Г. К. Косикова. — М.: Культурная революция, 2009, с. 159–160.
3. Феофан Затворник, святитель. Письма // https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/pisma/ (дата обращения: 22.10.2020).